

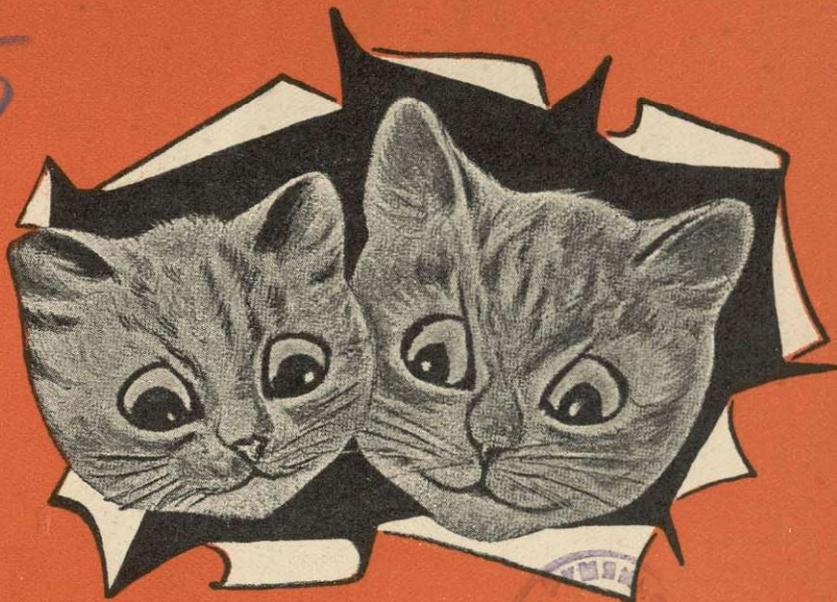
XVII 85
10

Годъ изданія третій

ДЕКАБРЬ

№ 3.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СКОРО ЕЛКА
ДЯДЯ-ПАВЛУША (повѣсть).
ЗИМНЕЮ ПОРОЙ.
НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ
(Историческая повѣсть).
МЫШИ И КОТЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ, РЕБУСЪ
и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

„Сѣдая старина“ (легенды о быломъ),
соч. А. Г. Гербертсонъ (листъ 1-й
съ раскрашенной картинкой).
Какъ ѣздятъ въ Лапландіи—картин-
ка для склеиванія.

№ 3. Декабрь, 1909.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Что, у тебя щеночка взяли? Ну, не бойся, отдадутъ.

СКОРО ЁЛКА.

Одѣлся лѣсъ въ брильянтовый уборъ, Но вотъ насталь и праздникъ для
 Алмазные снѣга покрыли поле ребячь,
 И ребятишки радостно, на волѣ, Ужъ привезли и пряники, и ёлку,
 Уже катаются на санкахъ съ горь. Шушукають дѣтишки втихомолку
 И въ скважину замочную глядятъ.
 И въ ихъ воображеньи Тамъ, ставъ на табуретки,
 Прекрасной ёлки приближене Родители кругомъ обвѣшиваютъ
 Сластей имъ горы обѣщаетъ Богато ёлку украшаютъ [вѣтки
 И игръ картонки. И ставятъ свѣчки.
 Ихъ души счастье наполняетъ А дѣти ёлку созерцають
 И ихъ глазенки И ихъ сердечки
 Уже сверкають. Отъ счастья тають.

Кузнечикъ.

ДЯДЯ ПАВЛУША.

(Продолженіе).

Дядя Павлуша сталъ горбатымъ только на десятомъ году своей жизни. Когда болѣла у него спина, онъ такъ страдалъ, что его мать даже опасалась за его разумъ. Но недугъ прошелъ, оставивъ послѣ себя на всю жизнь человѣка горбатымъ, и только благодаря матери, мальчикъ не терялъ своего мужества и охоты жить.

— Теперь ужъ для меня не будетъ радостей, вздыхалъ онъ.—Теперь ужъ я весь свой вѣкъ буду одинокъ!

Но искра счастья еще не погасла для него и, выросши большимъ, онъ нашель средство быть счастливымъ— это дѣлать счастливыми другихъ. Раз-

очарованія въ жизни и борьба за существованіе не остановили его. Онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы дѣлать пріятное другимъ; но самъ онъ не всегда бывалъ веселъ душою такъ, какъ старался показать себя, когда бывалъ съ другими. Онъ жилъ одиноко, гдѣ-то служилъ, иногда просиживалъ за работой по нѣсколькимъ ночей подрядъ, часто хворалъ, но никто никогда не видалъ его печальнымъ. Никто никогда не смѣялся надъ его уродствомъ, такъ какъ онъ первый смѣялся надъ нимъ самъ, и среди дѣтей его горбъ даже прославился тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, дядя Павлуша пряталъ въ него для нихъ свои

подарки: они и представленія не имѣли о томъ, какъ громадны и всеобъемлющи были его карманы, которые онъ нарочно заказывалъ портному именно такими, чтобы въ нихъ могло помѣститься чуть не поль-магазина игрушекъ.

Какой-то случай былъ въ жизни у дяди Павлуши, который онъ усиленно скрывалъ, чтобы не узнала о немъ Таня. О немъ знали старшіе Басиловы и начальница пріюта, но и они скрывали его не только отъ нея, но и отъ другихъ дѣтей, вѣроятно по просьбѣ самого дяди Павлуши.

Случай этотъ заключался въ слѣдующемъ.

Восемь лѣтъ тому назадъ дядя Павлуша отправился путешествовать за границу. Изъѣздивъ всю Западную Европу, онъ отправился на Канарскіе острова и когда возвращался обратно, то, на пути въ Испанію, испыталъ тяжкое бѣдствіе, такъ что едва остался въ живыхъ.

Была ночь. Пароходъ медленно покачивался по волнамъ и направлялъ свой путь въ Европу. Свѣтила полная луна и ея лучи отражались расплавленной мѣдью по волнамъ. Дулъ сильный вѣтеръ. Всѣ пассажиры спали и никому и въ голову не приходило, что пароходу грозила опасность. Дядя Павлуша видѣлъ уже второй сонъ, когда къ нему въ каюту кто-то постучался. Онъ отворилъ ее.

— Не падайте духомъ, сэръ... обратился къ нему боцманъ-англи-

чанинъ, быстро входя.—На пароходѣ пожаръ и лодки уже готовы. Лучше одѣвайтесь во все, во что только можете. Пока не настанетъ утро, въ лодкахъ будетъ худо.

Дядя Павлуша испугался, но потомъ овладѣлъ собой, одѣлся и выскочилъ на палубу. Странное зрѣлище представилось здѣсь его глазамъ. Около двухсотъ человекъ пассажировъ столпились въ одну кучу и съ ужасомъ смотрѣли передъ собою. Все это были женщины, съ обнаженными головами и всѣ одѣтыя, какъ попало и во что-нибудь. Изъ одного изъ люковъ вырывался густой столбъ дыма, то и дѣло возрастающая. Освѣщаемая языками пламени, вырывавшимися съ обѣихъ сторонъ изъ люковъ, линія одѣтыхъ въ синія куртки матросовъ качала пожарную машину въ неимовѣрной борьбѣ съ возрастающимъ пламенемъ. Громкія слова команды капитана во главѣ пожарной дружины раздавались отъ времени до времени надъ воющимъ вѣтромъ и надъ бѣсновавшимися волнами, которыя били въ борта парохода, точно желая сцѣпить съ огнемъ. Какая-то молодая женщина въ ужасѣ носилась по палубѣ, прижимая къ своей груди новорожденнаго ребенка.

— Не бойтесь! крикнулъ пассажирамъ капитанъ.—Земля близко! Днемъ было бы ее видно! Я всѣхъ васъ доставлю на берегъ живыми!

Но вѣтеръ относилъ ѣдкій, смрадный дымъ изъ люка прямо на пас-

сажировъ и это наводило на нихъ еще большій страхъ. Когда же огонь вырвался наружу и пассажиры услышали, какъ затрещали въ немъ снасти парохода и какъ заскрипѣли и завизжали желѣзные листы, которые стали отрывать пожарные-матросы, чтобы лучше тушить огонь, то всѣ они кинулись къ шлюпкамъ. Шлюпки уже были готовы и находились въ отличномъ порядкѣ. Но такъ какъ пламя овладѣло теперь уже всѣмъ пароходомъ, то не оставалось больше ни способа, ни времени распоряжаться потерявшими голову пассажирами. Всѣ обезумѣли, растерялись и, помня только самихъ себя и давя другъ друга, стали усаживаться въ шлюпки. Крикъ, гамъ, визгъ, вопли

женщинъ, рыданія, отчаянные крики мужчинъ, все это слилось въ одинъ общій гулъ и навело

Она учила дѣтей.

Ксеничка поднималась на своей кровати и долго прислушивалась къ музыкѣ.

на дядю Павлушу такой ужасъ, что у него похолодѣло подъ сердцемъ и онъ почувствовалъ, что не можетъ двинуться съ мѣста и даже бѣжать къ шлюпкамъ, чтобы спастись. Онъ стоялъ, прижавшись къ рубкѣ, и полными ужаса глазами глядѣлъ на этихъ обезумѣвшихъ людей, потерявшихъ голову и карабкавшихся на шлюпки.

И въ самый тотъ моментъ, когда онъ стоялъ такъ и не зналъ, что ему дѣлать, къ нему подбѣжала та самая женщина, которая металась взадъ и впередъ по палубѣ съ ребенкомъ на рукахъ, и противъ его воли сунула ему этого ребенка въ руки.

— Умоляю васъ, сказала она ему по-французки и онъ увидѣлъ, какъ измѣнилось отъ ужаса ея лицо.— Возьмите этого ребенка и спасите его. Вы мужчина и, кажется, одинъ

только не потеряли голову. Если я погибну, то погибну только одна. Вы спасете его!

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться и возразить ей или успокоить ее, она сняла съ себя крестъ, надѣла его на ребенка и уже бросилась въ толпу и скоро исчезла въ общей давкѣ.

Капитанъ кричалъ такъ, что его испугался бы даже смѣльчакъ, офицеры кричали тоже,—но въ общемъ желаніи спастись поскорѣе, въ общемъ страхѣ, ихъ никто не слышалъ и никто не хотѣлъ ихъ слушаться. Кое-какъ шлюпки были наполнены пассажирами и четыре изъ нихъ благополучно спущены на воду. Но когда были наполнены двѣ другія, то громадный пароходъ, до этого медленно погружавшійся въ воду, пошелъ ко дну и повлекъ за собою и ихъ. Дядя Павлуша видѣлъ, какъ забарахтались на поверхности океана несчастные пассажиры и какъ безпомощно стали хвататься одинъ за другого, чтобы не утонуть. Онъ видѣлъ и эту несчастную мать, которая вручила ему своего ребенка. Она протягивала къ нему свои руки, точно хотѣла отнять отъ него свое дитя, и наконецъ, уставъ бороться съ волнами, стала идти ко дну. Одинъ разъ она, собравъ послѣднія свои силы, вынырнула изъ воды и крикнула своему ребенку:

— Прощай, Татà!

И больше ея ужъ онъ не видѣлъ.

Съ ребенкомъ въ рукахъ онъ стоялъ у рубки и не зналъ, что дѣлать.

Вода доходила ему уже до ногъ и пройдетъ еще пять или шесть минутъ, какъ и его постигнетъ та же участь. И онъ тѣснѣе прижался къ ребенку и ухватился рукою за косякъ.

— Господи, спаси меня! молился онъ.—Неужели-же я погибну?

Въ это время вдругъ раздался около него голосъ офицера:

— Пусть спасаются женщины! Пусть спасаются женщины!

Дядя Павлуша перевелъ глаза съ неба на море и со страхомъ посмотрѣлъ на толпу, гдѣ происходила драка за послѣднюю лодку. Точно вспомнивъ въ эту минуту о себѣ, онъ бросился туда-же, надѣясь тоже спастись, но тотъ же боцманъ, который и разбудилъ его, взялъ его за руку и спокойно отвелъ къ прежнему мѣсту.

— Послушайте моего совѣта, сэръ, обратился онъ къ дядѣ Павлушѣ.— Не спѣшите къ шлюпкѣ. Все равно потонетъ и она. Черезъ пять минутъ надъ водою не останется даже и бортовъ парохода, но на мачтѣ и на вантахъ наверху будетъ безопасно и сухо до утра. Берите своего младенца

— Боженька, пошли къ дядѣ - Павлушѣ добрую волшебницу!

и я помогу вамъ взобраться на мачту. Мнѣ больше нечего дѣлать здѣсь внизу. Будьте добры, мужайтесь. Черезъ минуту вы почувствуете ударъ.

Съ послѣднимъ уклономъ на вѣтеръ корабль потонулъ и волны, наконецъ, овладѣли кипящими массами въ люкахъ. Съ безопаснаго, хотя и неудобнаго мѣста на мачтѣ дядя Павлуша видѣлъ плотно нагруженные двѣ шлюпки, слышалъ, какъ бѣшено шипѣла вода, соприкасаясь съ горѣвшимъ пароходомъ, и съ замираніемъ сердца внималъ крикамъ тонувшихъ мужчинъ и женщинъ, оглашавшимъ воздухъ.

Ночь показалась безконечно длинной, но прошло всего только три часа, когда на разсвѣтѣ показался пароходъ, шедшій тою-же дорогой. Онъ увидалъ кораблекрушеніе и взялъ къ себѣ тѣхъ, кто на первый разъ казался единственно спасшимися изъ всѣхъ пассажировъ и команды парохода, то-есть боцмана, дядю Павлушу и спасенное имъ дитя.

Этого ребенка дядя Павлуша отвезъ съ собою въ Россію и отдалъ въ очень хорошій пріютъ. Ребенокъ оказался дѣвочкой. Такъ какъ ей было уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ и на ней былъ крестъ, то ее сочли уже крещеной. Полагая, что ея мать погибла въ волнахъ, во время пожара на пароходѣ, пріютскій батюшка причислилъ ее къ православной церкви и далъ ей имя Татіана, такъ какъ дядя Павлуша слышалъ

самъ, какъ сама мать называла дѣвочку «Татá».

Это и была та самая Таня, которую привезли на лѣто погостить въ «Васильки» къ Басиловымъ и которая воспитывалась въ пріютѣ на средства дяди Павлуши.

Чтобы она не задумывалась надъ своимъ происхожденіемъ, дядя Павлуша никогда не рассказывалъ ей о бывшемъ съ нимъ случаѣ на морѣ и просилъ и другихъ близкихъ къ нему лицъ тоже не поднимать въ ея присутствіи эти разговоры. Съ этою цѣлью онъ снялъ съ нея и ея крестъ, который только теперь рѣшился ей отдать, когда ей исполнилось уже восемь лѣтъ.

— Пусть носитъ! сказалъ онъ самъ себѣ. — А если она теперь спроситъ меня о своей мамѣ, то я расскажу ей все. Теперь она уже можетъ молиться и понимать.

Но Таня взяла отъ него крестъ, но такъ ни разу и не спросила его, кто была ея мать.

У Басиловыхъ была гувернантка, которую они привезли съ собой. Звали ее Елена Алексѣевна; она была французенка, но отлично знала русскій языкъ. Окончивъ курсъ въ парижскомъ институтѣ и совершенно не имѣя родныхъ, она вышла замужъ, но скоро лишилась мужа и должна была сразу-же искать себѣ мѣсто. Кто-то посовѣтовалъ ей ѣхать въ Россію, она пріѣхала въ Петербургъ и поступила къ Басиловымъ, чтобы готовить Борю, Володю и Ксеничку

въ гимназію. Уча ихъ, она и сама училась около нихъ русскому языку и скоро стала говорить на немъ, какъ природная русская, что такъ рѣдко бываетъ въ иностранкахъ. Это было достоинѣйшее и очаровательнѣйшее существо и всѣ въ домѣ полюбили ее, какъ родную. Она и сама привязалась скоро къ дѣтямъ и нѣсколько перестала себя чувствовать одинокой. Она учила дѣтей, ходила съ ними гулять по Петербургу, завѣдывала всѣмъ домомъ, распоряжалась относительно завтрака и обѣда и вообще была полной хозяйкой дома. На ней лежало все хозяйство, она очень утомлялась за день, но ни однимъ намекомъ не показывала своего утомленія. Ея звонкій, веселый смѣхъ раздавался по всѣмъ комнатамъ квартиры и часто, играя съ дѣтьми въ прятки или въ пятнашки, она, какъ вихрь, носилась съ ними изъ комнаты въ комнату, такъ что во всѣ стороны изъ ея пышныхъ волосъ разлетались грёбенки и шпильки.

— Ну, наша милая тетя Нелли говорила о ней г-жа Баилова, — сама, какъ ребенокъ. Любить побѣгать!

Но и въ жизни Елены Алексѣевны или, какъ ее прозвали дѣти, тети Нелли, было что-то такое, что, вѣроятно, заставило ее въ свое время очень страдать. Она очень охотно рассказывала дѣтямъ и взрослымъ про Парижъ, про тѣ мѣста, гдѣ она бывала и что видала, но былъ одинъ

моментъ въ ея жизни, котораго она никакъ не могла вспомнить. Точно изъ книги ея памяти былъ вырванъ одинъ листъ изъ середины и, не окончивъ одного, ея память перескакивала на другое. Она помнила, что когда-то съ нею произошелъ какой-то случай, но какой именно это былъ случай и когда именно онъ произошелъ, она такъ и не могла припомнить, не смотря на всѣ свои старанія. И какъ ни добивались отъ нея Баиловы, чтобы она вспомнила его, такъ они и не добились отъ нея ничего. Они смѣялись надъ ней, вышучивали ее, но она не обижалась на нихъ, такъ какъ это было смѣшно и для нея самой.

— Вотъ не могу вспомнить, и не могу! говорила она. — Знаю, что со мною что-то когда-то произошло, а что именно—и вспомнить не могу.

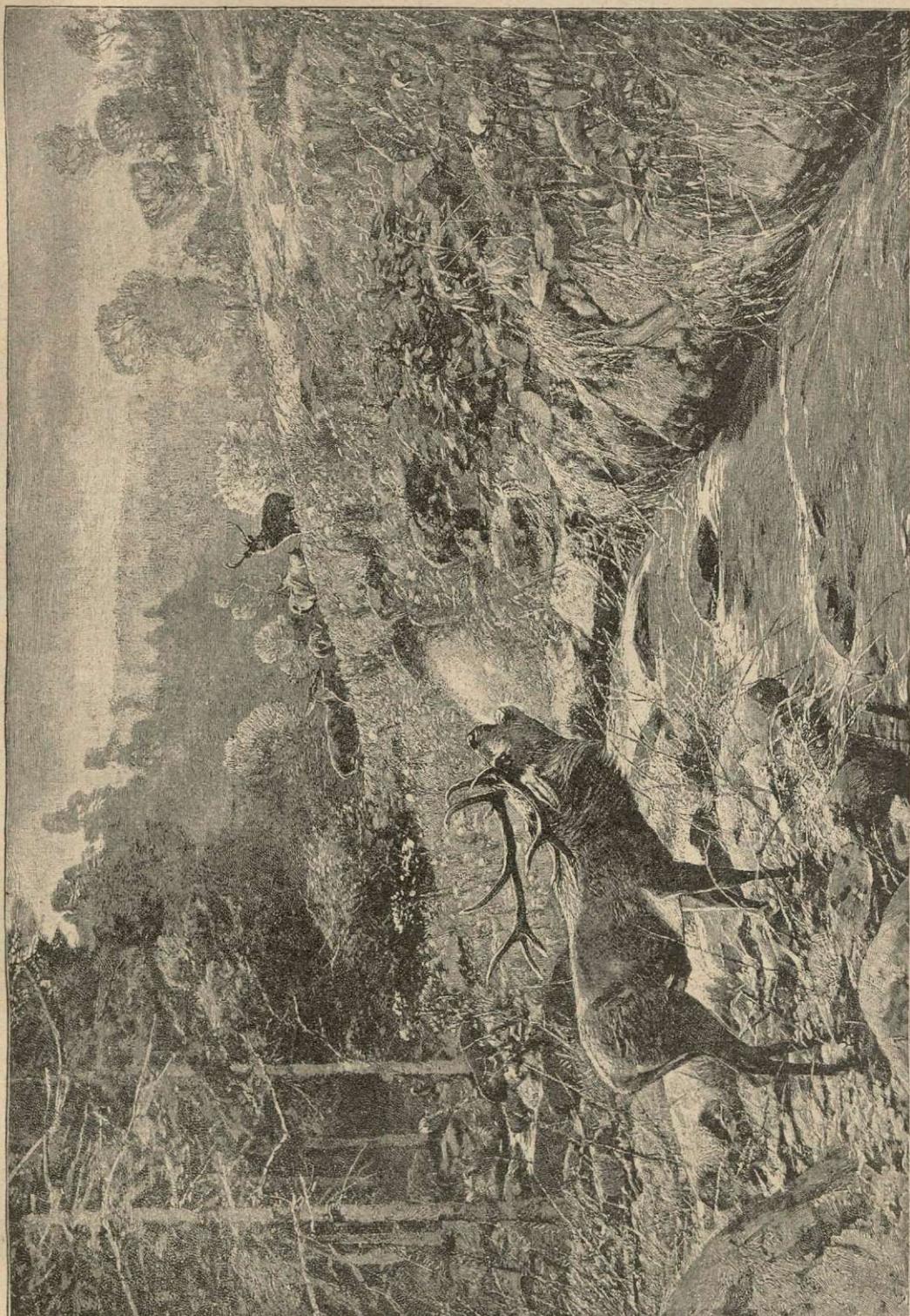
И, залившись звонкимъ смѣхомъ, она вмѣстѣ съ дѣтьми принималась играть или бѣгала съ ними по всѣмъ комнатамъ, играя съ ними въ «палочку-воровочку» или въ «пятнашки».

Ей было 28 лѣтъ, но она была такъ моложава, что никто ей ихъ не давалъ и, глядя на нее, можно было подумать, что она—старшая сестра тѣхъ дѣтей, учить которыхъ была приглашена.

По вечерамъ, когда дѣти укладывались спать, раздавался звонокъ и приходилъ дядя Павлуша, который тоже жилъ въ Петербургѣ. Онъ приходилъ не одинъ, а всегда привозилъ съ собою прекрасную виолончель, на

— Видишь, какъ этотъ платочекъ тебѣ къ лицу?

Въ Норвегii.

которой игралъ, какъ настоящій музыкантъ. Поздоровавшись со всѣми, онъ шелъ прямо къ піанино, Елена Алексѣевна раскрывала ноты и они начинали вмѣстѣ играть. Это были восхитительнѣйшіе вечера. На дворѣ стояла грустная петербургская осень, капли дождя печально текли по стекламъ и дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, а дядя Павлуша и Елена Алексѣевна сидѣли въ гостиной у піанино и при свѣтѣ двухъ свѣчей разыгрывали свои дуэты.

Затѣмъ, когда было сыграно все, дядя Павлуша укладывалъ свою виолончель въ футляръ, похожій на гробъ, заботливо покрывалъ ее стеганымъ одѣяльцемъ, запиралъ и уѣзжалъ къ себѣ домой.

И часто, проснувшись среди ночи, Ксеничка поднималась на своей кроваткѣ и долго прислушивалась къ ихъ игрѣ. Простая, нѣжная музыка дяди Павлуши была понятна и для дѣтей и Ксеничкѣ всякій разъ казалось, что она не въ дѣтской, не въ постелькѣ, а гдѣ-то далеко, въ волшебномъ царствѣ, гдѣ невидимыя феи поютъ своими сладкозвучными головами трогаящія за душу пѣсни. Она чувствовала, какъ звуки виолончели тонкой струйкой вливались ей прямо въ самое сердце, и ея горбатый, некрасивый дядя-Павлуша начиналъ казаться ей красавцемъ и великаномъ, какъ тѣ заколдованные принцы, о которыхъ она читала въ сказкахъ.

— Боженька, молилась она при этомъ, — пошли къ дядѣ Павлушѣ

добрую волшебницу, чтобы она превратила его изъ горбатаго карлика въ красавца!

Нѣсколько времени спустя, дядя Павлуша захворалъ и пересталъ бывать у Базиловыхъ. Дѣти уже не встрѣчали его шумными восклицаніями и не рылись въ его глубокихъ карманахъ, отыскивая въ нихъ для себя гостинцевъ. Просыпаясь среди ночи, Ксеничка уже не слышала больше звуковъ его виолончели и стала скучать. Дѣти, какъ осеннія мухи, скучно бродили по комнатамъ и не знали, куда себя дѣвать.

— Гдѣ дядя Павлуша? спрашивали они.—Отчего до сихъ поръ нѣтъ дяди Павлуши? Намъ скучно безъ него!

Потомъ подошла весна, собирались на дачу и цѣлые дни мама и Елена Алексѣевна стали проводить за швейной машиной. Нужно было заблаговременно обшить всѣхъ дѣтей, себя и даже прислугу.

Затѣмъ всѣ появились въ Василькахъ, въ громадномъ барскомъ, старинномъ домѣ, и жизнь потекла своимъ чередомъ. Снова стали бѣгать, рѣзвиться, играть въ крокетъ, носиться по комнатамъ; тетя Нелли, какъ стали называть дѣти свою гувернантку, тоже бѣгала съ ними, какъ прежде, и ея счастливый, рѣзвый смѣхъ тоже оглашалъ собою комнаты.

— Она попрежнему очень милый и хорошій человекъ, говорила о ней г-жа Базилова.—Я люблю ее, какъ

родную дочь. Она совершенно одинока на всемъ бѣломъ свѣтѣ и такъ бы хотѣлось, чтобы она счастливо вышла замужъ...

На дачѣ тетя Нелли опять взяла на себя все хозяйство. Съ ранняго утра и до поздняго вечера ее можно было видѣть въ черномъ фартукѣ то въ кухнѣ, то въ дѣтской, то у чайнаго, то у обѣденнаго стола. При этомъ она урывала время, чтобы сдѣлать дѣвочкамъ французскій и нѣмецкій диктантъ, а когда маленькая Ксеничка, неумѣренно покушавъ ягоду, должна была лечь въ постель, то она не оставила ее одну и то и дѣло прибѣгала къ ней и урывками читала ей интересныя сказки. И все это она дѣлала съ большой охотой, безъ малѣйшей тѣни неудовольствія, точно заниматься всею этою массою работы—для нея составляло потребность.

Потомъ вдругъ неожиданно въ Васильки пріѣхалъ и дядя Павлуша. Дѣти обрадовались ему и ихъ жизнь цѣлые дни стала протекать около него. Онъ съ ними игралъ, совершалъ далекія прогулки и, казалось, только съ ними одними и находилъ для себя удовольствіе въ деревенской жизни. Онъ самъ былъ, какъ большой ребенокъ, и дѣти относились къ нему, какъ къ равному себѣ, и уже скучали безъ него, едва только начинался день.

— Дядя Павлуша уже пришелъ? задавалъ кто-нибудь изъ дѣтей вопросъ раньше, чѣмъ поздороваться

съ папой и мамой, и выпить чашку молока.

— Неужели онъ сегодня не придетъ? слышались восклицанія.—Сегодня дождливая погода и онъ, пожалуй, забойтся ея и не захочетъ прійти.— Мы всѣ умремъ отъ скуки, если дядя Павлуша не явится черезъ часъ!

И съ рѣшительнымъ видомъ дѣти вставали на подоконники и начинали глядѣть на лѣсъ.

Дядя Павлуша не жилъ въ усадьбѣ. Онъ снялъ помѣщеніе въ старой мельницѣ недалеко отъ Васильковъ, построенной когда-то еще давно на высокомъ холмѣ, откуда широко открывался видъ на окрестности. Мельница эта была каменная, съ вращавшейся крышей и уже давно отъ старости не могла двигать крыльями. Въ нижнемъ ея этажѣ помѣщались двѣ комнатки, въ которыхъ, вѣроятно, жилъ когда-то мельникъ съ семьей. Въ нихъ-то, вдали отъ шумнаго свѣта, и поселился дядя Павлуша, не смотря на то, что къ его услугамъ была просторная комната въ усадьбѣ. Говорили, что въ этой мельницѣ неблагополучно, что въ ней кто-то встаетъ по ночамъ и жалостно поетъ. Но дядя Павлуша не боялся этихъ сказней, поселился въ мельницѣ и, слыша доносившіеся изъ нея звуки его виолончели, мѣстные крестьяне съ суевѣрнымъ страхомъ поглядывали на нее и говорили:

— Слышите, поетъ? Не ходите мимо, тамъ привидѣніе! **М. Б-скій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗИМНЕЮ ПОРОЙ.

Гдѣ всѣ бабочки, стрекозы?
Ихъ ужъ нѣтъ давно.
Начинаются морозы,
По утрамъ темно.

Вмѣсто рѣчки суетливой
Протянулся ледъ,
И за осенью дождливой
Ужъ зима идетъ.

А, бывало, встанешь рано,
Чуть не въ три часа,
Глядь—а нѣтъ уже тумана,
Лишь блеститъ роса.

Все кругомъ свѣтло, прекрасно,
Солнышко встаетъ
И въ сирени сладкогласно
Соловей поетъ.

Все шумитъ: въ деревьяхъ пташки
Прыгаютъ, пищатъ,
Рѣютъ бабочки, букашки,
Кузнецы трещатъ...

А теперь... Теперь все тихо
Зимнею порою,
Лишь голодная волчиха
Воетъ за горой...

Ирись.

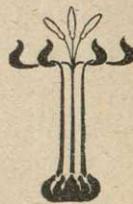
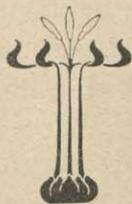

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Вен-Нур, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

V.

Когда Іуда проснулся, то солнце было уже высоко и окрестныя горы тонули въ утренней дымкѣ. Летали голуби и ихъ бѣлыя крылья мерцали на темно-голубомъ фонѣ неба. Съ улицы доносились голоса разнощиковъ и ржаніе лошадей. Было уже не рано. Іуда потянулся, открылъ глаза и увидаль около себя молодую дѣвушку, которая сидѣла у его ногъ и, бряцая на струнномъ инструментѣ, пѣла.

Это была сестра Іуды—Тирса.

Она очень походила лицомъ на брата: такія-же, какъ и у него, правильныя черты лица, та-же прелесть правдиваго, почти - дѣтскаго, выраженія глазъ. По восточному обычаю, на рукахъ и на ногахъ у нея были браслеты изъ массивнаго золота, а въ ушахъ были серьги и на пальцахъ—кольца, сверкавшія драгоцѣнными камнями. Всѣ движенія ея были изящны и красивы и голосъ звучалъ такъ, что трогаль за душу.

— «Проснись, мой братъ, пѣла она,—проснись, мой любимецъ! Проснись для того, чтобы услышать мой утренній привѣтъ и принять отъ меня поздравленіе съ яснымъ солнечнымъ днемъ и съ счастьемъ на землѣ. Какой сонъ ты видѣлъ? Счастливы ли ты былъ во снѣ? Проснись и повѣдай мнѣ, твоей сестрѣ, все, чтобы и я могла порадоваться вмѣстѣ съ тобой».

Увидѣвъ, что онъ открылъ глаза, она отложила въ сторону свой инструментъ, сложила на колѣняхъ руки и стала ожидать, когда онъ заговоритъ.

— Прекрасно, Тирса, прекрасно, сказалъ онъ, наконецъ.—Твой голосъ сегодня звучитъ лучше, чѣмъ когда-либо. Но гдѣ я слыхалъ то, что ты сейчасъ пѣла?

— Угадай! отвѣтила Тирса.

— Въ этой пѣснѣ есть что-то греческое. Гдѣ-ты заучила ее?

— А помнишь грека, который пѣлъ въ театрѣ мѣсяцъ тому назадъ? Я запомнила каждое его слово и весь напѣвъ. Вотъ и все.

— Но вѣдь онъ пѣлъ по-гречески?

— А я по-еврейски.

— Такъ спой еще разъ!

— Послѣ!.. Амра послала меня сказать тебѣ, что она принесетъ тебѣ завтракъ сюда и чтобы ты не спускался внизъ. Она думаетъ, что ты боленъ. Кстатѣ внизу и приборка.

— Ну, хорошо!

Иуда всталъ, потянулся еще разъ и, подойдя къ бассейну, вдѣланному

въ стѣну, умылся въ немъ. Затѣмъ онъ утерся полотенцемъ матери и нѣсколько разъ сдѣлалъ такія движенія руками, какія дѣлаютъ, занимаясь гимнастикой.

— Знаешь, Тирса, сказалъ онъ,—я скоро уѣзжаю!

Въ удивленіи она опустила руки.

— Уѣзжаешь?.. Куда? Когда? Зачѣмъ?

Онъ засмѣялся.

— Сразу столько вопросовъ!.. сказалъ онъ и затѣмъ продолжалъ серьезно.—Мама хочетъ, чтобы я работалъ, занимался дѣломъ, служилъ... Да это и необходимо: мнѣ уже двадцатый годъ! Я уѣду въ Римъ.

— Въ Римъ? И я съ тобой! радостно воскликнула она.

Онъ погладилъ ее по головѣ.

— Ты должна остаться съ матерью. Ей будетъ тяжело, если мы уѣдемъ оба.

Радость исчезла съ ея лица.

— Но зачѣмъ тебѣ туда ѣхать? спросила она.—Если ты хочешь продолжать дѣло нашего отца, быть купцомъ, то это можно дѣлать и здѣсь, въ Иерусалимѣ!

— Я не думаю быть купцомъ... Съ тѣхъ поръ, какъ мама передала всѣ наши торговыя дѣла нашему управляющему Симониду, мнѣ здѣсь нечего дѣлать.

— Чѣмъ же ты хочешь быть?

— Офицеромъ—отвѣтилъ онъ и въ голосѣ его зазвучала гордость.

На глазахъ у Тирсы засвѣтились слезы.

— Но вѣдь если будетъ война, сказала она,—то тебя убьютъ!

— На то будетъ воля Бога, отвѣтилъ онъ.— Не всѣхъ же офицеровъ убиваютъ!

— Когда же ты ѣдешь?

— На этихъ дняхъ. Только не говори ничего объ этомъ Амръ, а то она будетъ плакать до самаго моего отъѣзда! Кстати вотъ и она!

Послышались шаги Амры.

Вѣрная служанка вошла съ завтракомъ и поставила подносъ на стулъ, затѣмъ, съ бѣлой салфеткой на рукѣ, она приготовилась служить Іудѣ и Тирсѣ, какъ вдругъ странный шумъ привлекъ ихъ вниманіе. Всѣ они насторожились, стали прислушиваться и оказалось, что это была военная музыка, доносившаяся къ нимъ съ улицы.

— Солдаты! воскликнулъ Іуда.— Нужно посмотрѣть на нихъ!

Минуту спустя, онъ уже стоялъ на крышѣ и глядѣлъ на улицу внизъ, Сестра была около него. Отсюда можно было рассмотреть все шествіе. Впереди шла пѣхота, за нею слѣдовалъ отрядъ гвардейцевъ съ тяжелыми щитами и пиками; далѣе шли музыканты, а за ними, отдѣльно отъ другихъ, ѣхалъ офицеръ, окруженный стражей изъ всадниковъ.

Темныя загорѣлыя лица солдатъ, мѣрныя движенія ихъ щитовъ, блескъ пряжекъ, латъ и шлемовъ, развѣвавшіяся знамена и перья султановъ, блестящіе наконечники копій—все это произвело на Іуду пріятное впе-

чатлѣніе. Ему и самому захотѣлось вдругъ пройтись вмѣстѣ съ этимъ войскомъ по улицамъ Іерусалима и посидѣть на такомъ же точно ворономъ конѣ, на какихъ сидѣли и эти кавалеристы. Римскій офицеръ привлекъ на себя его особенное вниманіе. Онъ ѣхалъ съ непокрытой головой, но въ полномъ вооруженіи. Слѣва у него висѣлъ короткій мечъ, въ рукахъ онъ держалъ жезлъ; кусокъ краснаго сукна замѣнялъ ему сѣдло; уздечка была съ золотыми удилами и шелковыми поводьями, украшенными бахромой.

Іуда уже давно замѣтилъ, что появленіе этого офицера вызвало въ народѣ сильныя взрывы гнѣва. Одни наклонялись съ крышъ или выступали впередъ и грозили ему кулаками, другіе ругали его, плевали въ него, когда онъ проѣзжалъ мимо; женщины снимали съ себя башмаки и бросали ими прямо въ него. Когда онъ приблизился, можно было разобрать и крики евреевъ, которыми они встрѣчали этого офицера:

— Грабитель! Поработитель нашего народа! Оставь насъ! Убирайся обратно къ себѣ въ Римъ! Зачѣмъ ты явился грабить и угнетать нашу Іудею?

При его приближеніи Іуда могъ рассмотреть, что лицо его было мрачно и злобно и взоры, которые онъ бросалъ по сторонамъ на евреевъ, были полны угрозъ.

Это былъ самъ губернаторъ надъ покоренной Римлянами Іудеей—Валерій Гратъ.

Когда онъ поровнялся съ угломъ дома Іуды, то, чтобы лучше рассмотреть его, юноша перегнулся черезъ перила и при этомъ уперся рукой о черепицу, которая давно уже выскочила изъ крыши и держалась на вѣсу. Почувствовавъ на себѣ давленіе руки Іуды, черепица сорвалась съ мѣста и покатила. Дрожь испуга пробѣжала по тѣлу Іуды. Онъ наклонился, чтобы ухватить ее и при этомъ имѣлъ такой видъ, будто что-то бросаетъ. Но старанія его не только не увѣнчались успѣхомъ, но наоборотъ—черепица только быстрѣе скользнула по крышѣ и со всей силой полетѣла внизъ. Солдаты изъ охраны взглянули вверхъ, глянулъ туда же и самъ губернаторъ Валерій Гратъ, но въ этотъ моментъ черепица ударила его и онъ упалъ съ лошади.

Солдаты остановились; тѣлохранители спрыгнули съ лошадей и поспѣшили щитами прикрыть своего начальника. Народъ же, нисколько не сомнѣваясь, что ударъ черепицей былъ нанесенъ Валерію Грату съ намѣреніемъ, сталъ рукоплескать Іудѣ, а онъ стоялъ на виду у всѣхъ, у самыхъ перилъ, пораженный ужасомъ и не смѣя двинуться съ мѣста.

Затѣмъ онъ очнулся и, отойдя отъ перилъ, блѣдный, какъ смерть, онъ бросился къ Тирсѣ на шею.

— О, Тирса, Тирса! воскликнулъ онъ.—Что-то теперь съ нами будетъ?

Она не видѣла всего того, что случилось, и удивилась тому, что онъ сказалъ.

— Я убилъ римскаго губернатора! сказалъ онъ дрожавшимъ голосомъ.— Черепица упала прямо на него.

Она мгновенно поблѣднѣла. Руки ея задрожали, ноги подкосились, его испугъ передался ей и она въ безсиліи опустилась на скамью.

— Я непреднамеренно сдѣлалъ это, Тирса, сказалъ онъ.—Это простая случайность!

— Что же они теперь сдѣлаютъ? спросила она.

Онъ опять перевѣсилъ черезъ перила и увидалъ, что тѣлохранители помогли Валерію Грату снова сѣсть на лошадь.

— Онъ живъ! Онъ живъ, Тирса! воскликнулъ внѣ себя отъ радости Іуда.—Да будетъ благословенъ Богъ нашихъ отцовъ!

И съ просіявшимъ лицомъ онъ обернулся къ сестрѣ и сказалъ:

— Не бойся, Тирса! Я объясню имъ все, какъ произошло, и они не тронутъ насъ.

Но въ это время внизу подъ ними уже раздавались голоса, крики удивленія и ужаса и ударъ чѣмъ-то тяжелымъ въ ворота и во входную дверь, Іуда остановился и сталъ прислушиваться. Крики продолжались. Затѣмъ послѣдовалъ шумъ множества шаговъ и въ домъ ввалились солдаты и овладѣли имъ. Іуда почувствовалъ неизъяснимый страхъ отъ одной только мысли, что его схватятъ, и хотѣлъ было бѣжать. Но куда?

Вдова.

— Но вѣдь ты же обчитала меня! Ты взяла себѣ больше!..

Обезумѣвшая отъ страха Тирса подошелъ къ ней и быстро заговорила его за руку.

— Иуда! Иуда! залепетала она.—
Что это значить? Спаси меня!

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, Иуда

подошелъ къ ней и быстро заговорила его за руку.

— Оставайся здѣсь и жди меня.
Я пойду внизъ и посмотрю, что съ

нашей мамой!

Но она замѣтила волненіе въ его голосѣ и тѣснѣе прижалась къ нему.

Теперь ему уже ясно слышались пронзительные крики матери и онъ долѣе не колебался.

— Пойдемъ! сказалъ онъ.

Лѣстница внизъ была полна солдатъ. Съ обнаженными мечами они бѣгали по всему дому, кого-то ища, вбѣгая и выбѣгая изъ комнатъ. Въ одной комнатѣ группа столпившихся женщинъ-прислугъ на колѣняхъ молила о пощадѣ; нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ старалась вырваться изъ рукъ челоуѣка женщина въ изодранной одеждѣ и съ длинными, распущенными волосами, падавшими ей прямо на лицо, а онъ силился удержать ее во что-бы то ни стало. Ея крики были пронзительнѣе всѣхъ остальныхъ и ясно долетали до крыши, гдѣ были Іуда и Тирса, не смотря на окружающій ихъ со всѣхъ сторонъ шумъ.

Заслышавъ эти крики, Іуда со всѣхъ ногъ бросился внизъ.

— Мама! мама! закричалъ онъ ей.

Она протянула къ нему руки, но въ ту минуту, какъ онъ уже коснулся ихъ, его схватили и оттащили къ сторонѣ.

При этомъ кто-то громко и ясно сказалъ:

— Это онъ! Берите его!

Іуда обернулся и увидаль своего бывшаго друга Мессалу.

— Этотъ, что-ли, преступникъ? спросилъ рослый офицеръ въ блестящей одеждѣ.

— Да! такъ-же громко отвѣтилъ

Мессала.—Берите-же его! А вотъ это его мать, а та дѣвушка—его сестра! Въ вашихъ рукахъ теперь вся семья. Берите ихъ!

— Мессала! воскликнулъ Іуда.— Вспомни наше дѣтство! Я умоляю тебя!

Мессала сдѣлалъ видъ, что не слышалъ этихъ словъ.

— Помоги намъ! сталъ просить его Іуда.— Вѣдь ты римлянинъ, ты это можешь! Сжался надъ нами!

— Я римлянинъ, а ты—еврей, отвѣтилъ Мессала.— Ты долженъ быть моимъ рабомъ.

И съ этими словами Мессала вышелъ изъ дома.

— Теперь всѣ его капиталы будутъ моими!.. проговорилъ онъ дорогой, но такъ, что его за суматохой никто не слыхалъ. Только одинъ Іуда услыхалъ его и понялъ все. Такъ, значить, это Мессала раздулъ этотъ случай въ преступленіе и посоветовалъ Валерію Грату арестовать его! И съ горечью на сердцѣ Іуда подошелъ къ офицеру.

— Эта женщина—моя мать, сказалъ онъ.—Пощадите ее и мою сестру. Вотъ она здѣсь. Богъ справедливъ. Онъ воздастъ вамъ за ваше милосердіе!

Но офицеръ обратился къ солдатамъ и командовалъ имъ:

— Арестуйте этихъ женщинъ и отведите, куда я вамъ приказалъ! А затѣмъ принесите веревокъ, свяжите этого молодца и тащите его на улицу!

Мать увели. Оцѣпенѣвшая отъ

ужаса Тирса покорно слѣдовала за нею. Пославъ каждой изъ нихъ по прощальному взгляду, Іуда закрылъ лицо руками, точно желая запечатлѣть въ памяти весь ужасъ этой сцены. Можетъ быть, онъ и плакалъ, но никто не видѣлъ слезъ на его лицѣ.

На дворѣ раздался звукъ трубы. При послѣднемъ ея возгласѣ домъ очистился отъ солдатъ. Многіе изъ нихъ, не смѣя явиться въ ряды съ награбленными ими вещами, бросали ихъ прямо въ грязь. Весь полъ въ домѣ былъ усыпанъ драгоценными камнями, которые награбили римляне, но не успѣли спрятать и разсыпали ихъ повсюду, ступали по нимъ и раздавливали ихъ въ мелкіе кусочки.

Съ появленіемъ Іуды войска стояли на своихъ мѣстахъ и начальникъ ожидалъ только исполненія своего послѣдняго приказанія.

Мать и дочь и всѣ домашніе были выведены на улицу. Вопли и плачъ слугъ, изъ которыхъ многіе родились въ этомъ домѣ, были ужасны. Забывъ о себѣ, Іуда смотрѣлъ на толпу женщинъ, тщетно стараясь отыскать въ ней глазами мать и сестру, какъ вдругъ одна женщина, поднявшись съ земли, кинулась обратно къ дому. Нѣсколько человекъ стражи бросились, чтобы схватить ее, но это имъ не удалось. Іуда узналъ ее. Это была Амра. Она такъ и исчезла въ домѣ.

— Забить ее тамъ! крикнулъ солдатамъ начальникъ. — Пусть она издохнетъ тамъ отъ голода!

Солдаты бросились къ дому, за-

били въ немъ всѣ окна и двери и бѣдная Амра была погребена.

— Живи, Амра! послалъ ей туда свой вздохъ Іуда. — Живи для мамы и для Тирсы! Да сохранитъ тебя Богъ!

Четверо солдатъ скрутили ему веревками руки назадъ, нацѣпили ему на ноги цѣпи, раздалась команда, слышался барабанный бой и Іуду повели навсегда отъ родного дома.

А на слѣдующій день отрядъ римскихъ солдатъ отправился къ опустѣвшему дому Іуды и, наглухо задѣлавъ ворота, опечаталъ ихъ, и на дверяхъ прибилъ объявленіе, гласившее на латинскомъ языкѣ слѣдующее:

«Этотъ домъ есть собственность римскаго императора».

Въ тотъ же день съ командой изъ десяти всадниковъ уже приближался къ Назарету младшій офицеръ, выѣхавъ поутру изъ Іерусалима. Назаретъ въ то время былъ ничтожной деревушкой съ неправильно разбросанными домами и лачугами и съ единственной улицей, походившей болѣе на тропинку, чѣмъ на улицу.

Звукъ трубы, раздавшійся при вступленіи солдатъ въ Назаретъ, испугалъ жителей. Люди группами высыпали на улицу, желая узнать поскорѣе причину такого необычнаго явленія. Такъ какъ Назаретъ былъ въ сторонѣ отъ всякой проѣзжей дороги, то легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на его жителей появленіе римлянъ! Когда солдаты проходили по улицѣ, то стало ясно, что они вели арестанта. Подъ влія-

ніемъ любопытства народъ послѣдовалъ за ними. Арестантъ сталъ предметомъ всеобщаго вниманія. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ непокрытой головой, полуголый, съ закрученными назадъ руками. Связывавшая его веревка была приклѣплена къ шеѣ одной изъ лошадей. Пыль, поднимаемая лошадьми, окружала его цѣлымъ облакомъ и покрывала густымъ слоемъ. Изнемогая отъ усталости, волоча ноги, арестантъ едва переставлялъ ихъ. Съ перваго же взгляда жители Назарета разсмотрѣли, что онъ былъ еще очень молодъ.

Офицеръ остановился у колодца и сошелъ съ лошади. Его солдаты послѣдовали его примѣру. Арестантъ присѣлъ тутъ-же на пыльной дорогѣ, безучастный ко всему. Онъ былъ очень утомленъ. Жители Назарета готовы были помочь ему, но не смѣли.

Въ то время какъ они стояли въ нерѣшимости, показался вдалекѣ человѣкъ. При видѣ его одна изъ женщинъ воскликнула:

— Смотрите! Вонъ идетъ плотникъ! Онъ намъ объяснитъ все!

Тотъ, кого она называла плотникомъ, былъ человѣкомъ почтенной наружности. Онъ шелъ медленно и, какъ видно, шелъ издалека. Топоръ, рубанокъ и пила висѣли у него за плечами. Подойдя къ толпѣ, онъ остановился.

— Добрѣйшій Іосифъ, обратилась къ нему женщина. — Вотъ привели арестанта. Разспроси, у солдатъ: кто онъ, куда его ведутъ и за что?

Іосифъ взглянулъ на арестанта и подошелъ къ офицеру.

— Вы изъ Іерусалима? спросилъ онъ его.

— Да, отвѣтилъ офицеръ.

— Какъ еще молодъ вашъ арестантъ!

— Да.

— Позволь узнать, въ чемъ его вина?

— Онъ убійца.

Изумленная толпа отшатнулась въ сторону.

— Онъ еврей? продолжалъ свои разспросы Іосифъ.

— Да, еврей, отвѣтилъ римлянинъ.

Чувство сожалѣнія вновь вернулось къ жителямъ Назарета.

— Ты, можетъ быть, слышалъ объ іерусалимскомъ князѣ Бенъ-Хуръ? въ свою очередь спросилъ Іосифа офицеръ. — Онъ еще не такъ давно умеръ!..

— Да, отвѣтилъ Іосифъ.

— Ну, такъ это его сынъ.

Восклицанія и вздохи послышались со всѣхъ сторонъ.

— Вчера онъ едва не убилъ въ Іерусалимѣ благороднаго Грата, бросивъ въ него черепицей съ крыши своего дома.

Воцарилось молчаніе, въ продолженіи котораго жители Назарета со всѣхъ сторонъ оглядывали Іуду.

— И онъ убилъ его? спросилъ Іосифъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ офицеръ.

— И его за это осудили?

— Къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ.

— Бѣдный, бѣдный! воскликнулъ Иосифъ и на глазахъ у него показались слезы.

Въ это время нѣкій юноша, стоявшій незамѣченнымъ позади Иосифа, подошелъ къ колодезю и взялъ стоявшій на немъ кувшинъ съ водой. Онъ поднесъ его къ запекшимся устамъ Иуды и ласково положилъ свою руку ему на плечо. Поднявъ глаза, Бенъ-Хуръ увидѣлъ лицо, которое навѣки

человѣка душа его становится мягче и нѣжнѣе. И онъ прильнулъ губами къ кувшину и жадно и долго пилъ. Когда онъ кончилъ, юноша перенесъ свою руку на страдальческую голову арестанта и долго держалъ ее на его пыльныхъ волосахъ; затѣмъ онъ отнесъ кувшинъ на мѣсто и, поднявъ съ земли свой топоръ, вернулся къ Иосифу. Всѣ, не исключая и офигера, не спускали съ него глазъ.

— Въ этой пѣснѣ есть что-то греческое...
Гдѣ ты заучила ее?..

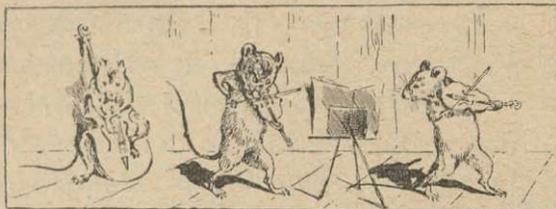
запечатлѣлось въ его сердцѣ. Передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ приблизительно однихъ лѣтъ съ нимъ. Глаза его были полны такой нѣжности, состраданія, чистоты и святой любви, что проливали въ душу отраду и навѣки приковывали къ себѣ. Ожесточенный страданіями послѣднихъ часовъ, питая въ себѣ только злобу и жажду мести, Иуда вдругъ почувствовалъ, что подъ взглядомъ этого

Когда солдаты утолили свою жажду и напоили лошадей, то отрядъ ихъ снова пустился въ путь. Жители Назарета разошлись по домамъ, а вмѣстѣ съ ними ушелъ и Иосифъ со своимъ ученикомъ.

Такова была встрѣча Иуды Бенъ-Хура съ сыномъ Маріи Иисусомъ и такъ они встрѣтились и разстались, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтиться вновь. *(Продолженіе слѣдуетъ).*

МЫШИ И КОТЪ.

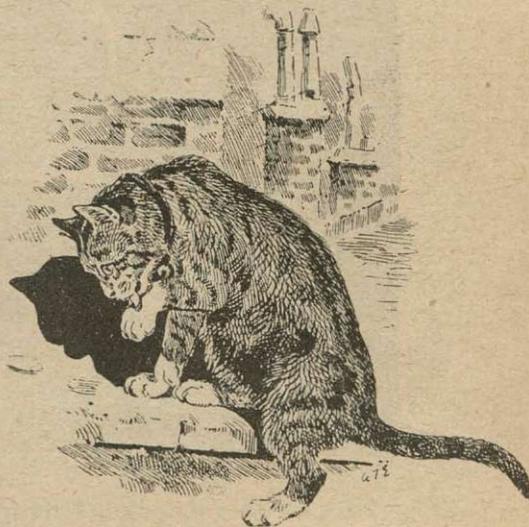
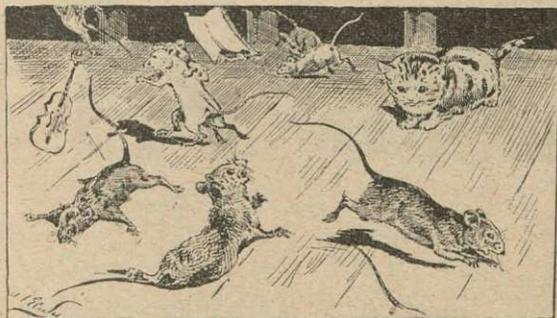

Мыши музыку играли,
Накупивши модныхъ нотъ,
Крысы танцы танцовали,
Вдругъ на балъ явился котъ.

Онъ къ нимъ долго собирался,
Долго лапкой умывался,
И, явившись къ нимъ на балъ,
Всѣхъ танцоровъ распугалъ.

Мыши ноты побросали,
Крысы въ обморокъ упали,
И, куда и какъ кто могъ,
Разбѣжались со всѣхъ ногъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, каждое по три слога. Слова эти означаютъ:

- 1) Водяную траву.
- 2) Топкое мѣсто.
- 3) Городъ на Волгѣ.

Изъ вторыхъ слоговъ этихъ словъ составить новое слово, означающее то, что есть въ снопѣ.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

II.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Домашнее вредное животное.
- 2) Большое зеркало.
- 3) То, что мы видимъ въ магазинахъ.

Послѣдніе слоги этихъ трехъ словъ должны составить собою новое слово, которое означаетъ предметъ, необходимый въ каждой семьѣ.

Какія слова задуманы, и какой это предметъ?

III.

Какія сласти заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

- 1) Огъ большихъ дождей прорвало плотину и у Макара мельница перестала работать.
- 2) Левъ поднесъ къ своей пасти лапу.
- 3) Я услышалъ вашъ голосъ и прибѣжалъ къ вамъ.
- 4) Старуха сложила въ горшокъ оладьи и поставила ихъ въ печь.
- 5) Путникъ утиралъ платкомъ потъ, струившійся у него съ лица.
- 6) Отъ долгаго употребленія въ его курткѣ оказались цѣлыя прорѣхи.
- 7) Въ охотѣ на дикаго вепря Никита сломалъ себѣ ногу.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

- 1) Почему мы должны начинать учиться именно съ дѣтства?
- 2) Отчего человекъ не можетъ взлетѣть на воздухъ безъ крыльевъ?

(Предложилъ Сережа Молле).

4) На что похожа половина апельсина?

5) Какое сходство между шляпой и деревней?

(Предложилъ В. Глуздовскій).

РАЗГАДКИ И ОТВѢТЫ.

Рѣшенія головоломокъ, шуточныхъ вопросовъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 1 «Золотою Дѣтства».

Шуточныхъ вопросовъ. 1) Повоздуху. 2) По снѣгу. 3) За стеклами. 4) Два апельсина. 5) Нѣтъ, нельзя, потому что аппетитъ не ѣдятъ. 6) Та лошадь, у которой не былъ завязанъ хвостъ, такъ какъ она могла отгонять имъ мухъ и свободно ѣсть траву.

Головоломка: 1. Мыло, Оса, Сова, Крыса, Вата, Аистъ = Москва.

2) Ли—па, ба—ранъ, ва—та = Либава.

3) Злато—устъ, Го—ри, Ниц—ца = Устрица.

4) Цы—пленокъ, бума—га, Не—ва = Цыгане.

5) Полтавская битва сдѣлала Россію великой державой.

6) Гру + ша (груша)... сли + ва (слива)... вишь + ня (вишня)... съ + моръ; одинъ + а (смородина)... мали + на (малина), клубни + ка (клубника), земля + ника (земляника), а + на + нась (ананасъ).

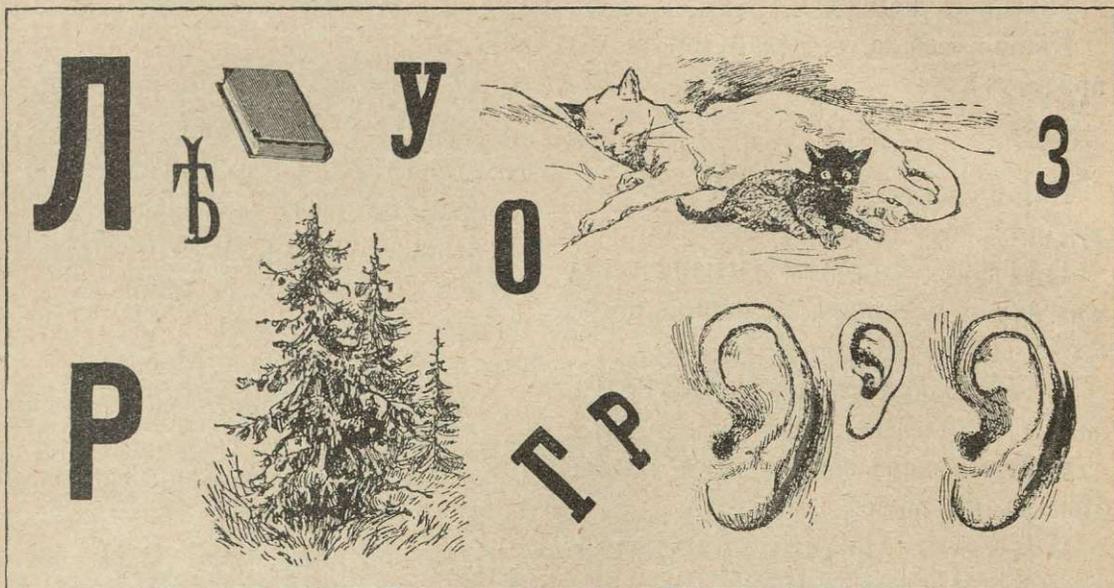
7) Три гвоздя.

Ребусъ. М + ноги + хъ за + ин + те + ре + сова + ло возъ + д + ухо + плаваніе = Многихъ заинтересовало воздухоплаваніе.

Вѣрные рѣшенія прислали: Соломе Безюева изъ Ростова-на-Дону, Алеша Лихолетъ, Лодя и Зоя Канаева, Лидочка Русакова изъ Крупина, Вѣра Петрова изъ Липецка, Зиночка Синани изъ Харькова, Женя Стрекоза, Марина Петрова, Шура, Володя и Лина Шумахеръ изъ Ростова-на-Дону, В. Г. Румшевичъ, Валечка Фигурская, Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Андриуша Фе-

дотовъ-донской казачокъ, Михаилъ Красавцевъ, Володя и Таня Назаровы изъ Кіева, Юрикъ Герштеймеръ со ст. Новая Баварія, Владиміръ, Евгений и Георгій Конрадъ въ СПБ. Миля Вайнштейнъ изъ Алешекъ, Сережа Молле въ СЛБ, братья Тяхтъ изъ Симбирска, Зина Малышева изъ Оренбурга, Костя Домбровскій изъ Владикавказа, Петя Степновъ въ СПБ.

РЕБУСЪ № 2.

Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки, шуточные вопросы и ребусъ будутъ напечатаны.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ НА ЁЛКУ!

Полные экземпляры «Золотого Дѣтства» за истекшіи годъ, со всѣми приложениями, высылаются по **три рубля** за годъ. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ—**на 65 коп. дороже**. За пересылку: въ предѣлахъ Европейской Россіи и Закавказья по 45 коп. съ экз. и въ Западную Сибирь и Туркестанъ по 65 коп. съ экз. Въ Восточную Сибирь не посылается вовсе.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, разказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Разказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Разказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Карриатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и разказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и къ 1-му Апрѣля
остальные—1 р. 80 к.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская, 3, уг. Пушкарской, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Подписной годъ съ 1-го ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.